

Ея орел коль быстр возшел с солнца светои дружно
 Пребывая, почивая, говорить не нужно.
 Ивропейских круг, жаром весь вдруг брани возгорелся,
 Он, покойно, чинно, стройно к Фебу засмотрелся.
 Стал в полудни, славы чудный к чуду всего света,
 Ибо крыле страшны в силе Петр Елисавета.

Первый останавливает его похвалу, указывая на трудность взятой им на себя задачи — перечислить все заслуги Елизаветы: «втрудится слух, устанет дух, слово не изможет». Второй, объясняя свой страх, — «дрожат уды, трепет всюду, сердце внутрь ужасно», — продолжает прославление Елизаветы, изображая ее преемницей Петра.

Зрю бо мины без отмѣны скипетра достойны,
 Дух пространный, ум избранный верх венцу пристойны.
 Прозорливо, смотреливо в всех действиях око,
 Мысль дозрелу, слово делу согласно высоко.
 Руку мочну Петру точну правящу нас в мире,
 Зрю с всех примет Елисавет рожденну к порфире.
 Вжду купно неотступно с ней Петра грядуща,
 Б самом цвете в юном лете зрела умом суца.
 В нем с пригоды всех благ роди, как плод в вертограде,
 Пространились, умножились отечеству к отраде.
 Корень Петров ветвь ту в покров израсти России,
 Зде в час варный благодарны почуют благии.
 Виждь окружно, коль услужно храбр дух кавалеры
 Суть собранны, столп избранный отчества и веры.
 Македону и Катону храбростию равны,
 Умом чудны, всерассудны, всеи Еуропе явны.
 Ктось бы возмнел, что з всех предел света зде герои
 Толь суть силны и обилны так в мире, как в бои.

(к. 172)

Этот панегирик он заключает вопросом своему собеседнику, как он «предстать явно пред державно лице не стыдится». Первый отвечает, что действительно перечень заслуг Елизаветы мог бы привести его «в робость многу». Но «едина мне притчина отгонит унылость, Высочайша, всеблажайша монархиня милость». И в длинной речи он прославляет эту милость, именуя Елизавету «мать благосерда», которая прощает даже «врагам злобным, безутробным». От этого панегирика он переходит к благодарности Елизавете за покровительство школе. Выслушав эту речь, второй сознается, что у него «страх отиде, смелость приде и внутрь сердце живо», но он все же «недоумеет», «что сами ей воздамы». На это первый отвечает скромно: «Принесем в дар свнутрь любви жар и сердце готово, Хотя кратко и несладко воздадим ей слово, Не коль должно, но коль можно вдруг сложим приветы Всеблажайшей, вседражайшей матере как дети». Ободренный этим, второй, по примеру первого, благодарит Елизавету за «щит щедрот» ее, который охраняет их «в вертограде нашем младе».